

Op83

K64

A-359637

Иван
КОННОВ

Всю жизнь
с ПУШКИНЫМ

Dr. 13.31

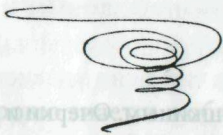
Op 83
K64
Op 83.31

Иван
КОННОВ

83.3(2=411.2)52-8 Пушкин А.С.

Всю жизнь

С ПУШКИНЫМ

Очерки, эссе

Оренбург
2015

Государственное бюджетное
учреждение культуры
Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской

2-359637
16

ПРОГУЛКИ ПО СТАРОМУ ОРЕНБУРГУ

Мой старый Оренбург, сиреневый, кленовый,
Обитель моих давних юных дней!
Брожу по переулкам твоим снова,
Как в незабвенной юности моей.
Надежность стен твоих испытывали пушки,
Но выжил ты во мгле кровавых лет.
По улицам твоим прошёл когда-то Пушкин—
Мы третий век глядим ему вослед.

Как во времена студенческой юности люблю бродить по старым оренбургским улицам, люблю искать и находить еле заметные следы безвозвратно ушедших лет. Одно из самых сильных впечатлений моего первого знакомства с городом — мемориальная доска на доме Тимашевых по улице Советской, 32. Надпись на ней гласила, что в этом доме в сентябре 1833 года останавливался Александр Сергеевич Пушкин. Сам Пушкин ходил по этим улицам! И я живо представил себе его, невысокого, с тростью, в цилиндре, таким,

каким мы видим сейчас поэта на украсившем Оренбург памятнике работы Надежды Петинной. Мной тогда овладело трудно передаваемое чувство сопричастности к великому, непреходящему, вечному. Более полвека минуло с той поры, но это чувство не покидает меня.

Мудрая Ахматова так писала о своих царскосельских впечатлениях: — от нашего детства и до нашей

*старости, о Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов.*

И столетие мы лелеем

Еле слышный шелест шагов.

Думается, у нас тоже есть все основания, чтобы так же лелеять доносящийся к нам из прошлого звук шагов Пушкина по оренбургским улицам.

Совершая прогулки по старому Оренбургу, вспоминаю себя юным, семнадцатилетним – студентом филологического факультета педагогического института. Немногим нашим преподавателям удавалось быть оригинальными и убедительными в преподавании русской литературы. А. С. Мягченков, например, уверял нас, что Пушкин писал стихи легко, как бы играючи и, якобы, никогда не покусывал кончика гусиного пера в мучительном поиске нужного слова: «Мысль просится к перу, перо к бумаге... Минута, и стихи свободно потекут...» Через несколько лет в квартире Пушкина на Мойке я увидел не то что остатки, а прямо-таки огрызки перьев, которыми он писал. А его черновые рукописи! Они сплошь испещрены поправками, зачеркиваниями, помарками и выглядят так, как описанный поэтом альбом Онегина:

Среди бессвязного маранья

Мелькали мысли, примечанья,

Портреты, буквы, имена

И думы тайной письма.

Многим в постижении поэтического мастерства Пушкина мы были обязаны Самуилу Марковичу Лубэ, преподавателю литературоведения. Однажды целое занятие он посвятил стихотворению «Сожженное письмо», и мы увидели, как в этом маленьком шедевре от строки к строке нарастает экспрессия стиха, как поэт, пользуясь минимумом слов, выражает необычайную силу чувств. Лубэ учил нас слушать и понимать музыку поэтического слова. Только в стихах, убеждал он, слово приобретает свою первоначальную свежесть, силу, музыкальность. Казалось бы, что нового можно открыть в знакомых с детства строчках Пушкина?

Уж небо осенью дышало,

Уж реже солнышко блистало,

Короче становился день,

Лесов таинственная сень

С печальным шумом обнажалась,

Ложился на поля туман,

Гусей крикливых караван

Тянулся к югу: приближалась

Довольно скучная пора;

Стоял ноябрь уж у двора.

Однако, научившись понимать музыку слов, можно услышать в них и свист ветра в кронах деревьев, и шелест падающих листьев, и печальные крики отлетающих на юг птичьих стай, и тяжелое карканье озябших

по осени ворон. А чутко вслушиваясь в звучание пушкинских «Стихов, сочиненных во время бессонницы», приходишь к выводу, что эти таинственные строки будто предназначены для произнесения шепотом. Можно представить себе, как сочиняя их и тут же произнося, поэт тревожно прислушивался к ходу часов, стуку своего сердца, к едва уловимым шорохам и шелестам, словно боясь потревожить «спящей ночи трепетанье».

В использовании словесного богатства живой речи Пушкин многое перенял у своих предшественников — поэтов XVIII, начала XIX веков. Взять того же В. А. Жуковского, о котором Пушкин пророчески писал: «Его стихов пленительная сладость пройдет веков завистливую даль». Проникновенные пушкинские слова всплывают в памяти всякий раз, когда слушаешь божественный дуэт Лизы и Полины из оперы П. И. Чайковского «Пиковая дама»:

*Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.*

Это строки из пленительной элегии В. А. Жуковского «Вечер», в которой поэт, по словам литературоведа Жуковского, создал «музыкальный словесный поток, качающий сознание читателя на волнах звуков и эмоций».

Вплотную, что называется, лицом к лицу, с творчеством Пушкина я столкнулся в пору своего учительства. 8-й «в» класс в бузулукской школе № 4 был самым пестрым и шумным, поэтому его и решили

поручить начинающему литератору. Поначалу у меня не всё получалось — не доставало опыта. Потом я понял, что унять непосед можно, только заинтересовав их предметом. Благо, преподавать мне предстояло русскую литературу первой половины XIX века. Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Гоголь... Какой простор для творческой мысли!

Когда дошла очередь до Пушкина, я отступил от правила начинать урок с избитых фраз о значении творчества поэта. Просто прочел наизусть его стихотворение, и не программное, а свое любимое:

Редеем облаков летучая гряда.

Звезда печальная, вечерняя звезда!

Твой луч осеребрил увядшие равнины

И дремлющий залив и спящих гор вершины...

Как загорелись глаза даже у самых отчаянных двоечников! Со временем я понял, что интерес к живому слову можно привить только истинной увлеченностью поэзией, а не принуждением к бессмысленному зазубриванию стихов.

Судьба сложилась так, что десять лет спустя после окончания института я вновь оказался в Оренбурге, обретя здесь постоянное место жительства. Прогулки по старому городу стали для меня излюбленным занятием. Не раз я проходил по улицам и переулкам, где некогда ступала нога Пушкина. Со временем у меня сложилась довольно четкая картина пребывания великого поэта в нашем областном центре.

Пушкин приехал в Оренбург 18 сентября 1833 года и остановился в загородном доме губернатора В. А. Пе-

ровского. Дом этот находился тогда в версте от нынешнего центра города. Его здание не сохранилось, в 1866 году на его месте был построен так называемый «архиерейский дом». После основательной перестройки, уже в советское время, в нем разместилась 2-я городская больница, называемая в народе «архиерейской» (проезд Коммунаров, 19).

Пушкин и Перовский были знакомы ещё по Петербургу и, сохраняя дружеские отношения, говорили друг другу «ты». После первых расспросов и рассказов с губернаторской дачи Пушкина повез в город «чиновник по особым поручениям» и также его знакомый Владимир Иванович Даль.

В Оренбург, считавшийся тогда крепостью, Пушкин въехал через Сакмарские ворота (ныне это перекресток улиц Советской и Володарского). Каким увидел поэт наш город? Оренбург был тогда невелик, с каждого перекрестка на все четыре стороны можно было видеть стены и крепостной вал.

Пройдемся же вместе с Пушкиным и Далем по главной улице — Советской. Это название она носит с 1919 года, а до этого последовательно называлась Большой, Губернской и Николаевской. Через сотню метров от Сакмарских ворот размещалось величественное здание военной Петропавловской церкви, построенной в числе первых благодаря хлопотам губернатора И. И. Неплюева. Каменный храм со сводами изящной архитектуры считался одним из лучших в городе после Преображенского и Введенского соборов. Петропавловская церковь отличалась от остальных большим стеклянным входным коридором. Со всех сторон

храм опоясывала ограда, внутри которой находилась могила оренбургского военного губернатора графа П. П. Сухтелена, возглавлявшего Оренбургский край с 1830 по 1833 год.

Судьба церкви во имя апостолов Петра и Павла печальна, как и большинства храмов Оренбурга. В конце тридцатых годов XX века он был снесен, на его месте разбили сквер им. Полины Осипенко и установили фонтан «Лягушки». Со временем исчез и фонтан. Наконец в 1998 году в сквере был установлен памятник Пушкину и Далю. Не знаю, как бы они отнеслись к тому, что их изваяния установлены на месте снесенного храма и кладбища, где был захоронен генерал П. П. Сухтелен — один из видных губернаторов нашего края, портреты которого имелись едва ли не в каждом казачьем доме.

Однако продолжим прогулку по старому Оренбургу. Во время посещения его Пушкиным самым большим зданием в городе был Гостиный двор. Он и в наши дни, отреставрированный, обновленный, производит впечатление. За свою более чем двухсотлетнюю историю фасад Гостиного двора существенных переделок не претерпел. А строили его по типовому принципу той поры: замкнутый четырехугольник с внутренним двором и крытой, опоясывающей всё здание галереей, для того, чтобы купцов и покупателей не беспокоила погода. Но, в отличие от большинства подобных сооружений, галерея эта в Гостином дворе Оренбурга сделана не снаружи, а внутри. Дело в том, что при таком расположении торговое заведение с толстыми стенами, построенное в виде каре, можно было без

труда, быстро превратить в крепость. Галерея внутри, а снаружи лишь стены с окнами, которые легко заложить мешками с песком, поставить там пушки. Иными словами, крепость в крепости. И неизвестно, взял бы её Пугачев, сумев преодолеть внешние крепостные стены Оренбурга. Большой вопрос. В старых городах, например, в Казани и Нижнем Новгороде, роль такой цитадели, внутренней крепости, играл кремль с его стенами и башнями. Известно, что, овладев Казанью, Пугачев не смог взять кремля.

Прямо напротив Гостиного двора на центральной улице Оренбурга располагался знаменитый дом Тимашевых, на котором, как говорилось выше, была установлена мемориальная доска, свидетельствующая о том, что в этом доме в сентябре 1833 года останавливался Александр Сергеевич Пушкин. Потом доска исчезла — местные пушкиноведы сошлись во мнении, что единственное место, где поэт останавливался в Оренбурге, — это загородный дом Перовского. Но в доме Тимашевых в это же время находилась городская квартира губернатора. И автор монографии «Пушкин, Оренбург и оренбуржцы» М. К. Нурмухамедов прямо пишет, что 19 сентября 1833 года Пушкин и Перовский обедали в городской квартире губернатора, т. е. в доме Тимашевых. Выходит, поторопились местные краеведы снять мемориальную доску, посвященную великому поэту. А она, если поразмыслить, была своеобразной охранной грамотой дому Тимашевых. Сняли её, и в конце концов с этим уникальным строением случилась беда. Во время реконструкции оно сторело, причем, по рассказам очевидцев, дом, как в известном

сатирическом романе, загорелся сразу со всех четырех углов. Значит, кому-то это оказалось на руку. На месте памятника архитектуры XVIII века возник «новодел», который не имеет никакого отношения ни к дому Тимашевых, ни к историческим памятникам вообще. О предназначении этого «бетонного монстра» горожане могут только догадываться.

К моменту приезда Пушкина на Губернской улице города поставили фонари, а улицу Водяную (ныне им. Горького) замостили. Центральная площадь Оренбурга находилась на месте нынешнего Ленинского сквера. Здесь красовался бассейн с фонтаном. Именно отсюда Пушкин и Даль отправились по улице Неплюевской (ныне Ленинской) к инженер-капитану Константину Демьяновичу Артюхову. Это действительно был примечательный человек. Служака, специалист в своем деле. А дела у него было два — военно-инженерное и педагогическое. Он был директором Неплюевского (по имени основателя) военного училища, открытого с 1825 года и готовившего офицеров для казачьих частей. Когда его посетил Пушкин, в нем было 80 воспитанников. Но, пожалуй, самое любопытное состояло в том, что в училище воспитывались и девицы. Существовало девичье отделение для детей дворян и мещан, открытое благодаря хлопотам губернатора и инженер-капитана. Они оба стремились не на словах, а на деле к образованию Оренбургского края.

Пушкин в сопровождении Артюхова осмотрел военное, а также приходское училище, которое было на другой стороне улицы. Здание Неплюевского училища

Исчезли Меновой двор, Форштадт, неузнаваемо изменился исторический центр города. Уцелел, правда, Гостиный двор, причем в почти первозданном виде, но и он словно не тот, потому что существует ныне в иной среде. Со всех сторон его окружают здания более поздней эпохи. Но многое из того, чем мы живем, что окружает нас сегодня, существовало и тогда, во времена Пушкина. Вспомнишь его строки:

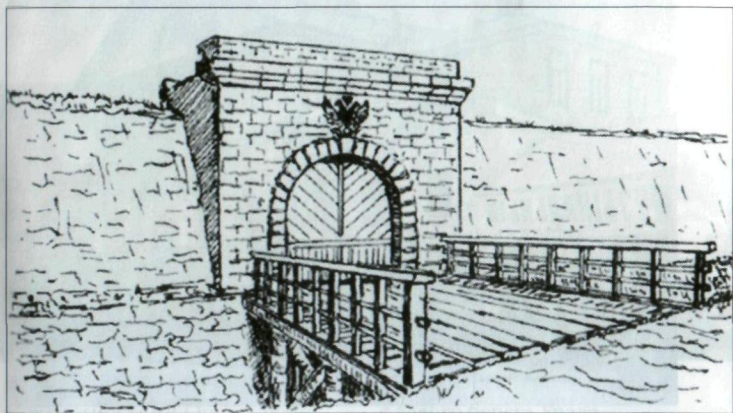
*...Усталый, с лирою
я прекращаю спор,
Иду в гостиную,
там слышу разговор
О близких выборах,
о сахарном заводе,
Хозяика хмурится
в подобие погоды... –*

и покажется, что эти прошедшие столетия пронеслись как один день.

Улица Пушкинская в Оренбурге. Фото начала 1960-х годов.
Справа — областной краеведческий музей, на котором установлен барельеф поэта с надписью «В сентябре 1833 года Оренбург посетил великий русский поэт А. С. Пушкин».

Сакмарские крепостные ворота, через которые 18 сентября 1833 года в Оренбург въехал А. С. Пушкин. Рисунок В. В. Дорофеева

Петропавловская церковь, в ограде которой был похоронен губернатор П. П. Сухтелен. Фото начала XX века.

Дом Тимашевых в Оренбурге, который по некоторым данным посетил А. С. Пушкин (не сохранился). Фото начала XX века.

Георгиевская церковь в Форштадте, с колокольни которой Пугачев обстреливал крепость, а позднее Пушкин и Даль осматривали город. Фото начала XX века.

В. И. Даль знакомит А. С. Пушкина с окрестностями Оренбурга.

Вид на Оренбург с левого берега Урала.
Гравюра по рисунку
П. П. Свинына.

Так выглядел форштат в Оренбурге по воспоминаниям

В этом основательно перестроенном здании по ул. Ленинской, 19 размещалось Неплюевское военное училище. Здесь Пушкина и Даля гостеприимно встречал директор училища К. Д. Артюхов.

Так выглядел Гостиный двор в Оренбурге до революции.

Прогулки по старому Оренбургу

Памятник А. С. Пушкину и В. И. Далю в центре Оренбурга.

Скульптор Н. Г. Петина, 1998.